

Валентина Даниловна Черняк
(Санкт-Петербург, Россия)

ТЕКСТ ВОСПОМИНАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ
РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: НАБРОСКИ
К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ Е. Р. ДАШКОВОЙ

*Профессору Карою Гадани с давней
симпатией и глубоким уважением*

Abstract: The article is dedicated to the research of the speech portrait of the outstanding representative of the Russian culture E.R. Dashkova. To recreate her speech portrait we use the memoirs («Записки») of the Duchess Dashkova written in French and first published in Russian in 1907 and the first biography of Dashkova published in the collection «Плутарх для прекрасного пола» in 1819.

Keywords: E.R. Dashkova, speech portrait, memoirs

В 2013 г. исполнилось 270 лет со дня рождения Екатерины Романовны Дашковой, одной из выдающихся женщин в российской истории, президента Академии Российской. Реконструкция значимых черт ее языковой личности – задача очень сложная, поскольку до нас дошли лишь мемуары, написанные по-французски, и немногочисленные письма и документы. Тем на страницах книги «Записки княгини Дашковой. С приложением разных документов и писем», изданной в 1907 г., появляется яркий речевой портрет незаурядной фигуры их автора. Удачный перевод «Записок» передает особенности речевой манеры Дашковой, что становится очевидным при сопоставлении их с текстами писем и других документов, как написанных по-русски, так и представленных в переводе. Заметим, что «Записки» (без прямого цитирования) активно использовались уже первыми мемуаристами в книге «Плутарх для прекрасного пола» (подробнее об этой книге см.).

Прежде всего обратимся к выразительному словесному портрету, представленному в заметках Д. Дидро, с которым Дашкова много общалась, будучи в Париже:

«Княгиня Дашкова ростом мала, лицом не красива; нос у ней большой и высокой, толстые надутые щеки, глаза ни велики, ни малы, брови и волосы черные, нос широкой, рот большой, губы толстые, зубы испорченные, шея круглая и прямая; грудь выдавшаяся, стан неправильный: она в движениях скоро; не имея приятности, весьма приветлива; физиогномия ее значительна. Характер ее важен, по-французски изыясняется легко; она не все то обнаруживает, что знает и думает, говорит просто, сильно и уверительно; ее мысли основательны,

велики и возвышенны<...> Одарена будучи пронизательностью, она почти всегда находит истинную причину вещей; по своей природной скромности, или по неуважению занимаемой ею роли, не терпит похвалы и лести» (Плутархъ для прекрасного пола...1819: 183-184).¹

Уже здесь перед нами не только весьма отличающаяся от парадных портретов характеристика внешности, но и намеки на особенности речевого поведения.

Показательны истоки исключительной для своего времени образованности Дашковой, в которой никто из современников не сомневался. Поворот в судьбе 13-летней девочки, приближенной ко двору, связан с «прилипчивой болезнью» – корью. Согласно строгим предписаниям того времени, она была перевезена в загородное имение Воронцовых и могла общаться только с врачом и служанкой. Именно в это время обнаружили ее страсть к чтению и склонность к рефлексии: «Тогда она почувствовала необходимость и важность наук и первый раз вкусила сладость размышления... Дашкова, пробужденная к деятельности скучною болезнью, старалась обработать ум свой и вкус чтением и размышлением». (Плутарх... 1819). Много лет спустя она писала: «Глубокая меланхолия, размышления над собой и над близкими мне людьми изменили мой живой, веселый и даже насмешливый ум. Я стала прилежной, серьезной, говорила мало, всегда обдуманно. Когда глаза мои выздоровели, я отдалась чтению. Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало» (Записки...1907: 6). Тогда же Дашкова начала писать стихи.

Особой страницей биографии Дашковой является ее участие в перевороте 1762 г. Как пишет Н. Д. Чечулин, «осторожно надо относиться к тем страницам, где Дашкова говорит о своем непосредственном участии в том или другом событии, вообще о чем-либо, живо и непосредственно ее затрагивающем» (Записки...1907: IV). Нельзя не заметить особый женский почерк мемуаристики: «Я поцеловала ей [императрице. – В.Ч.] руку и очутилась в офицерском мундире, с лентой через плечо, с одной шпорой, похожая на четырнадцатилетнего мальчика» (Записки...1907: 65).

Дашкова, без сомнения, была мастером выразительного публичного речевого поступка. Она ценила афористичность, яркую формулу, в которую облекала мысль. Софизм Руссо, пленивший ее еще в детстве, – «Напрасно боятся смерти, так как пока мы живем – ее нет, а когда она наступит, мы не существуем» – сопровождается следующим тезисом: «Его произведения очень опасны, потому что молодые головы легко могут принять его софизмы за силлогизмы» (Записки...1907: 219).

¹ Здесь и далее материалы изданий XIX – нач. XX века приводятся в орфографии, приближенной к современной.

В «Записках» приводится немало выразительных примеров эффектных выступлений Дашковой. Так, после переворота 1762 г. она отказывается от бриллиантового ордена св. Екатерины: «Простите мне, ваше величество, то, что я вам сейчас скажу. Отныне вы вступаете в такое время, когда, независимо от вас, правда не будет доходить до ваших ушей. Умоляю вас, не жалуйте мне этого ордена; как украшению я не придаю ему никакой цены; если же вы хотите вознаградить меня им за мои заслуги, то я должна сказать, что какими бы ничтожными они ни являлись по мнению некоторых лиц, в моих глазах им нет цены и за них нельзя ничем вознаградить, так как меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакими почестями и наградами» (Записки... 1907:65). Во время коронации ей, как жене полковника, было отведено место в последнем ряду. Дашкова пишет: «Мне совершенно безразлично, на каком месте я буду сидеть; я настолько горда, что думаю, что я своим присутствием украшу самое последнее место и сделаю его равным первому». Много позже на заседании Академии математик Эйлер долго не находил своего места. Дашкова, подведя его к креслу, сказала: «Государь мой! Пожалуйте садитесь, где вам угодно; место, которое вы займете, всегда будет первым» (Плутарх... 1819: 170). Умелая ориентация на адресата обнаруживается и в следующем обращении к членам Академии: «В просвещении и способности охотно я отдам преимущество своим предшественникам, но ни единому из них не уступлю в праводушии, которое побуждать меня всегда будет, поставлять должностно себе и удовольствием отдавать справедливость вашим дарованиям» (Плутарх... 1819).

Очень интересно описание разговора с Екатериной II, в котором Дашкова обнаружила умение добиваться своих целей с помощью умело выбранных риторических приемов:

«Я своим ушам не поверила, когда императрица предложила мне место директора академии наук. От удивления я не могла выговорить ни слова, и императрица успела мне наговорить много лестного, думая этим убедить меня принять ее предложение.

– Нет, ваше величество, – наконец сказала я, – не могу я принять место, совершенно не соответствующее моим способностям. Если ваше величество не смеется надо мной, то позвольте мне сказать, что в числе многих прочих причин, я из любви к вашему величеству не хочу рисковать сделаться всеобщим посмешищем и не оправдать вашего выбора. <...> Императрица умела быть очаровательной, красноречивой и тонкой, когда хотела привлечь к себе или убедить кого-нибудь. Но на этот раз ее постигла неудача.

– Сделайте меня начальницей ваших прачек, – сказала я, – и вы увидите, с каким рвением я вам буду служить.

– Теперь вы смеетесь надо мной, предлагая занять такое недостойное место.

– Ваше величество думаете, что меня знаете; но вы меня не знаете; я нахожу, что какую бы должность вы мне ни дали, она станет почетной с той минуты, как я ее займу; и как только я стану во главе ваших прачек, это место превратится в одну из высших придворных должностей и мне все будут завидовать. Я не умею стирать и мыть белье, но если бы я тут сделала ошибки вследствие своего незнания, они бы не повлекли за собой серьезных последствий, между тем как директор академии наук может совершить только крупные ошибки и тем навлечь нарекания на государя, избравшего его» (Записки...1907: 182-183).

В спорах о роли Петра I с австрийским премьер-министром Кауницем Дашкова высказывает мысли, которые в современном политическом контексте звучат вполне современно: «Великая империя, имеющая столь неиссякаемые источники богатства и могущества, как Россия, не нуждается в сближении с кем бы то ни было. Столь грозная масса, как Россия, правильно управляемая, притягивает к себе кого хочет. Если Россия оставалась неизвестной до того времени, о котором вы говорите, <...> это доказывает только невежество и легкомыслие европейских стран, игнорировавших столь могущественное государство» (Записки...1907: 161).

Большое место в мемуарах занимают заметки о путешествии по Европе, которое Дашкова в течение нескольких лет совершала, заботясь об образовании своих детей и выполняя «обязанности матери и наставницы». «Виденные ею в чуждых странах полезные учреждения, соответствующие истинной цели просвещения, возбудили в ней благородную ревность к подражанию; но в подражании она не ослеплялась одною наружностью, одним пустым блеском: она мыслила, что всякое новое учреждение тогда только хорошо, когда имеет внутренние достоинства, основанные на благоразумии и справедливости» (Плутарх... 1819). В книге представлено много ярких бытовых описаний, характеристик культурных объектов и выдающихся исторических фигур, с которыми Дашкова общалась.

Очень яркой характеристикой речевого портрета Дашковой является ее прекрасное знание иностранных языков и русско-французское двуязычие, которое ярко продемонстрировано в одном из опубликованных писем: в пределах одного текста Дашкова легко переходит с русского языка на французский. Если французский и немецкий были усвоены еще в детстве, то английский Дашкова осваивала во время своих путешествий по Европе: «В Спа я познакомилась с четой Неккер, но я была дружна лишь с английскими семьями. Мы ежедневно виделись с лордом и леди Суссекс; с помощью французского и немецкого языка я стала вскоре понимать все, что читала по-английски, не исключая и Шекспира. Обе мои приятельницы приходили поочередно каждое утро, читали со мной по-английски и исправляли мой выговор; они были моими

единственными учительницами английского языка, которым я впоследствии владела довольно свободно» (Записки...1907: 99).

Большой интерес представляет переписка Дашковой с родными, прежде всего с братом, А.Р. Воронцовым. Интересно сопоставить письма, написанные по-русски, с письмами, переведенными с французского языка. Письма, написанные по-русски, показывают становление норм русского литературного языка, причудливое переплетение тяжеловесных книжных оборотов и разговорно-просторечной лексики: «Прости мне, любезный друг, если я так долго не отвечала на твое письмо. Во-первых, извиняюсь болезнью; а во-вторых удивлением, которое во мне произвела батюшкина пропозиция о Знаменском его дворе» (Записки...1907: 276).

Письма, переведенные с французского, отличаются и содержательно, и по выбору языковых единиц: «Сегодня у брата ассамблея, на которой буду я. Граф д'Артуа приезжает на ассамблею в в 9 ч. прямо от императрицы; он не ужинает, обходит игорные столы и смотрит на ужин, т.е. входит в столовую, чтобы сказать несколько слов дамам, и затем уезжает. Епископ Арасский, приехавший с ним, говорил со мной вчера более часу в Эрмитаже; хотя он очень горячо отзывался о событиях во Франции, но суждения о них не могут понравиться деспоту; взгляды его на старый режим мудрые и правильные» (Записки...1907: 280). Здесь мы наблюдаем использование многочисленных калек, получивших особое распространение в карамзинскую эпоху («честный человек с возвышенной душой», «возлюбленный брат», «отдохнуть душой», «неизъяснимая радость»). Наряду с этим в письмах к дочери, отношения с которой складывались чрезвычайно сложно, Дашкова использует большое количество экспрессивной лексики: «беспутное твое мотовство», «прихоть», «чванство», «все сие безбожное противу меня ополчение», «при первом пароксизме злости ты их [детей. – В.Ч.] выкинешь из окна», «вся церковь была потрясаема бешеным твоим голосом; все были поражены ужасом, видя бесчеловечие, злость и намерение уморить мать слухом сего безбожного исступления», «мучительница моя безбожная дочь».

Письма Е.Р. Дашковой демонстрируют великолепную способность к переключению кодов, что, согласно современным представлениям, является одним из важнейших признаков элитарной языковой личности. Отметим, что это особенно важно для конца XVIII века, когда система функциональных стилей находилась еще в стадии становления. Так, в письмах можно наблюдать особенности складывавшегося делового стиля. В письме брату в декабре 1775 г. Дашкова пишет: «Верючее письмо батюшкино должно быть в такой силе: верю продать, заложить или в наймы отдавать и деньги принимать, которое письмо должно быть в Юстиц-Коллегии в Петербурге засвидетельствовано». В книге приводятся подобные «верючие письма» (доверенности): «По доверенности от батюшки получила я от брата Александра Романовича в совершенную

заплату данных мною батюшке в займы денег, вексель от Сабакина на всю сумму то есть на 20 141, вчем я сию расписку и дала 1775 года марта 5 дня. Княгиня Екатерина Дашкова»; «Получила я от брата в зачет тех денег, кои он мне тысячу восемь сот восемьдесят рублей в чем я дала сию расписку. Княгиня Екатерина Дашкова» (Записки...1907: 278).

Много позже, уже будучи президентом Академии, Дашкова часто пишет прошения императрице, в стилистике которых сочетаются особенности торжественной книжной речи и делового стиля: «Поелику за всеми по Академии Наук расходами по 1-е число настоящего месяца состоит экономических денег сто пятнадцать тысяч рублей, то всеподданнически прошу дозволения обратить из оных тридцать тысяч рублей в пользу добропорядочных служащих при Академии и упражняющихся в различных художествах и других должностях, приносящих трудолюбием своим казне Вашего Императорского Величества прибыли, когда таковые за старостию или по болезням продолжать служение не возмогут, чтоб для пропитания имели бы пенсию» [Записки...1907: 299].

Очень любопытны указания по уходу за садом, написанные собственноручно Е.Р. Дашковой: «Где подсадка, а не посеяно, то граблями выровнять и чисто содержать, чтоб трава не прорастала и тем растениям не мешала»; «В канальцы и ямки, приготовленные для садки, отнюдь не сажать ни берез, ивнику, сосен, ни ёлок, а засаживать оные калиновыми, рябиновыми, орешниковыми, бересклетовыми и шиповными кустами»; «В клумбы и близко к дорожкам можно садить ягодки»; «Приказать сажать деревья и кусты в показанном мною бульоне»; «Дуб и другие деревья, есть ли они не очень здоровы покажутся, то поливать оным же бульоном, разведя оный пожиже».

Конечно, предметом особого внимания Дашковой был научный стиль, в частности, язык философских сочинений (не случайно в Словаре Академии Российской она взяла на себя разработку нравственных понятий). Еще в 1774 г. она писала Екатерине: «Я льщусь надеждой, что потомки наши будут иметь то преимущество, что красоты слога будут безвредно присоединяемы к сочинениям философическим» (Записки...1907: 166). Вступая в должность директора Академии, Дашкова говорила: «...при всех преимуществах не доставало языку нашему предписанных правил постоянного определения речением и непременною словам знаменования. Отсюда происходили разнообразности в сопряжении слов, несвойственные, или паче рещи, обезображивающие язык наш речения, заимствуемые от языков иностранных» (Плутарх... 1819: 172-173).

Большой интерес представляют комментарии Дашковой о разных аспектах деятельности Академии до и после вступления ее в должность. Сначала формулируется тезис, который призван вызвать негативное отношение к организации того или иного вида деятельности. После этого

в предельно лаконичной форме представлен безусловно положительный итог деятельности Дашковой. Ср.:

«Из Академии получали книги для прочтения посторонние, вследствие чего несколько сочинений оказались разрозненными; книги не были размещены в алфавитном порядке и стояли в беспорядке. Теперь только члены Академии имеют право брать книги и то под расписку; все книги перебраны и установлены в порядке».

В заключение хотелось бы привести характеристику русского языка, данную Дашковой в ее обращении к членам Академии: «Вы, Государи мои, знаете цену сего монаршего к Отечеству и сему собранию дара; вам известны обширность и богатства языка нашего; на нем сильное красноречие Цицероново, убедительная сладость Демосфенова, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство и гремящая Пиндарова лира, не теряют своего достоинства» (Плутарх... 1819: 172-173).

Литература

Записки княгини Дашковой. (1907) Перевод с французского по изданию, сделанному с подлинной рукописи. С приложением разных документов и писем / Под ред. Н.Д. Чечулина. Санкт-Петербург.

Плутархъ для прекрасного пола, или галлерей знаменитыхъ россиянокъ. (1819) Сочин. гг. Блантарда и Пропіака. Москва.

Черняк, В.Д. (2012) Образ идеальной женщины в «Плутархе для прекрасного пола» // Черняк, В.Д. (отв. ред.) Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В.Ломоносова). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 16-17 ноября 2011 г. СПб., САГА. С.17-21.